

> МАТИС ТРАЛЪ >

МАРК ТВЕН

Таинственный
незнакомец

Москва

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т26

Mark Twain
THE MYSTERIOUS STRANGER

Перевод с английского

Художественное оформление серии *Натальи Портняной*

Твен, Марк.
Т26 Таинственный незнакомец : [перевод с английского] /
Марк Твен. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-221804-0

В данном сборнике собраны одни из лучших рассказов американского писателя Марка Твена, раскрывающие весь спектр его таланта: от сатиры и иронии до философии и тонкой человеческой наблюдательности. Повесть «Таинственный незнакомец» задумывалась Марком Твеном в трёх разных вариантах, ни один из них он не закончил, в этом сборнике самое первое издание повести. Действие происходит в маленькой деревне Эзельдорф, спрятанной в горах Австрии. Трое юных друзей встречают незнакомца по имени Филипп Траум. Он очаровывает ребят волшебными деяниями, например, создаёт людей размером с палец, читает их мысли, меняет судьбы людей. Во время долгой беседы выясняется, что Филипп — ангел, да ещё и племянник самого дьявола... Мистический персонаж ставит под сомнение природу добра и зла, показывая несовершенства мира, критикуя религиозные догмы и человеческие предрассудки.

Также в книге собраны как остроумные и весёлые, так и проникновенные рассказы, которые показывают социальные контрасты, человеческие слабости и странности в характерном для Твена стиле.

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © Старцев А., перевод на русский язык, примечания. Наследники, 2025
- © Волжина Н., перевод на русский язык. Наследник, 2025
- © Дарузес Н., перевод на русский язык. Наследник, 2025
- © Чуковский Н., перевод на русский язык. Наследник, 2025
- © Кабалева Э., перевод на русский язык. Наследник, 2025
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221804-0

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

ГЛАВА I

Шла зима 1590 года. Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон. В Австрии царило Средневековье, казалось, ему не будет конца. Иные даже утверждали, пренебрегая счетом времени, что, если судить по состоянию умственной и религиозной жизни в нашей стране, она еще не вышла из Века Веры. Это говорилось не в укор, а в похвалу и так всеми и принималось и даже служило предметом тщеславия. Я отлично помню эти слова, хоть и был еще мальчишкой, и помню, что они доставляли мне удовольствие.

Да, Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон, а наша деревня спала крепче всех, потому что была в самом центре Австрии. Она мирно почивала в глубоком одиночестве, среди холмов и лесов. Вести из окружающего мира не достигали ее, не смущали ее грез, и она была счастлива. Прямо перед деревней протекала река, медлительные воды которой были украшены отраженными в ней облаками и тенями барж, груженных камнем. За деревней лесистые кручи вели к подножию высокого утеса. С утеса, хмураясь, глядел огромный замок, стены

и башни которого были увиты диким виноградом. За рекой, верстах в пяти левее деревни, тянулись густо поросшие лесом холмы, рассеченные извилистыми лощинами, куда не заглядывал луч солнца. Справа, где утес возвышался над рекой, между ним и холмами, о которых идет речь, лежала обширная равнина, усеянная крестьянскими усадьбами, прячущимися в тени раскидистых деревьев и фруктовых садов.

Весь этот край на много миль кругом искони принадлежал владетельному князю. Княжеская челядь поддерживала в замке образцовый порядок, однако ни сам князь, ни его семейство не приезжали к нам чаще чем раз в пять лет. Когда они приезжали, то казалось, что прибыл сам господь бог в блеске своей славы. Когда же они покидали нас, воцарялась тишина, подобная глубокому сну после разгульного празднества.

Для нас, мальчишек, Эзельдорф был раем. Ученьем нас не обременяли. Нас учили прежде всего быть добрыми христианами, почитать деву Марию, церковь и святых мучеников. Это — главное. Знать остальное считалось необязательным и даже не очень желательным. Наука ни к чему простым людям: она порождает в них недовольство своей судьбой; судьба же эта уготована для них господом богом, а бог не любит тех, кто ропщет на него.

У нас в деревне было два священника. Один из них, отец Адольф, был ревностным и усердным священнослужителем, и все уважали его.

Возможно, что встречаются лучшие священники, чем отец Адольф, но в нашей общине не бывало ни одного, кто внушал бы своим прихожанам такое почтение и такой страх. Дело было в том, что он

совершенно не боялся дьявола. Я не знаю другого христианина, о котором я мог бы это сказать с такой твердой уверенностью. По этой причине все боялись отца Адольфа. Каждый понимал, что простой смертный не решился бы вести себя так отважно и самоуверенно. Никто не хвалит дьявола, все осуждают его, но делают это без дерзости, с долей уважения. Что же до отца Адольфа, то он честил дьявола всеми бранными словами, какие только попадались на язык, так что слушателя охватывал трепет. Часто он отзывался о дьяволе насмешливо и с презрением, и тогда люди крестились и спешили прочь, боясь, как бы с ними не приключилось что-нибудь худое.

Если говорить начистоту, отец Адольф не раз встречался с дьяволом лицом к лицу и вступал с ним в поединок. Отец Адольф сам об этом рассказывал, не делая из этого тайны. И он говорил правду; по крайней мере одно его столкновение подтверждалось вещественным доказательством. В пылу ссоры он бесстрашно швырнул однажды в противника бутылкой, и в том месте, где она разбилась, на стене его кабинета осталось багряное пятно.

Другой наш священник был отец Питер, и мы все любили и жалели его. Про отца Питера шел слух, будто он кому-то сказал, что бог добр и милосерд и когда-нибудь сжалится над своими бедными детьми. Подобные речи были, конечно, ужасны, но ведь не имелось прямого доказательства, что отец Питер это сказал. Да и не похоже это было на него, такого доброго, кроткого и нелживого человека. Правда, никто не решался утверждать, что он сказал это с церковной кафедры перед прихожанами, тогда каждый из них слышал бы его слова и мог бы

их засвидетельствовать. Говорили, будто преступная мысль была высказана им в частной беседе, но ведь такое обвинение легко возвести на каждого из нас.

У отца Питера был враг, могущественный враг. Это был астролог, который жил в старой полуразрушенной башне, стоявшей на краю нашей равнины, и целыми ночами наблюдал звезды. Все знали, что он умел предсказывать войну и голод, хоть это и нетрудное дело, потому что война где-нибудь шла всегда, а голод был тоже нередким гостем. Но он умел, кроме того, сверяясь со своей толстой книгой, прочесть судьбу человека по звездам и разыскать покражу — и все в деревне, кроме отца Питера, боялись его. Даже отец Адольф, который не боялся самого дьявола, с приличным случаю почтением приветствовал астролога, когда тот проходил через деревню в длинной развевающейся мантии, расшитой звездами, в высокой остроконечной шляпе, с толстой книгой под мышкой и с посохом, в котором, как всем было известно, таилась волшебная сила. Говорили, что сам епископ прислушивается к мнениям астролога. Хотя астролог изучал звезды и занимался предсказаниями, он также не упускал случая показать свою приверженность к церкви, и это, конечно, нравилось епископу.

Что до отца Питера, то он не искал расположения астролога. Отец Питер заявлял во всеуслышание, что астролог — шарлатан и обманщик, что астролог не только не владеет чудодейственными познаниями, но, напротив, невежественнее многих других; и он нажил себе в астрологе врага, который стал искать его гибели. Мы все были уверены, что слух об ужасных словах отца Питера шел от астролога и что он же донес о них епископу. Отец Питер будто бы

сказал их своей племяннице Маргет. Тщетно Маргет отрицала обвинение и умоляла епископа поверить ей и не навлекать на ее старика дядю нужду и бесчестье. Епископ не пожелал ее слушать. Поскольку против отца Питера было только одно показание, епископ не стал отлучать его от церкви, но лишил на неопределенный срок сана. Уже два года, как отец Питер не выполняет священнических обязанностей, и его прихожане перешли теперь к отцу Адольфу.

Нелегко дались эти годы старику священнику и Маргет. Раньше все их любили и искали их общества, но с немилостью епископа все тотчас же переменилось. Иные из прежних друзей совсем перестали с ними видаться, другие стали холодны и неразговорчивы. Когда случилось несчастье, Маргет исполнилось восемнадцать лет. Это была прелестная девушка и умница, какой не найдешь во всей деревне. Она обучала игре на арфе и зарабатывала столько денег, что ей хватало на платья и на личные расходы. Но теперь ученицы одна за другой покинули ее; когда в деревне устраивались вечеринки и танцы, ей забывали передать приглашение; молодые люди перестали посещать их дом — все, кроме Вильгельма Мейдлинга, а его визиты не имели большого значения. Опозоренные и всеми покинутые, священник и его племянница загрустили и упали духом — солнце больше не светило к ним в окно. А жить становилось все труднее. Одежда изнашивалась, каждое утро надо было думать, на что купить хлеба. И вот наступил решительный день: Соломон Айзекс, который ссужал им деньги под залог их дома, известил отца Питера, что завтра он должен либо вернуть долг, либо уходить прочь из дому.

ГЛАВА II

Мы трое всегда были вместе, чуть не с колыбели. Мы сразу полюбили друг друга, и наша дружба крепла год от году. Николаус Бауман был сыном главного судьи. Отец Сеппи Вольмейера был владельцем большого трактира под вывеской «Золотой олень»; сад при трактире со старыми раскидистыми деревьями спускался к самому берегу реки, а там была пристань с прогулочными лодками. Я, третий, Теодор Фишер, был сыном церковного органиста, который также дирижировал деревенским оркестром, обучал игре на скрипке, сочинял музыку, служил сборщиком податей, выполнял обязанности причетника, — словом, был деятельным членом общины и пользовался всеобщим уважением.

Окрестные холмы и леса были знакомы нам не хуже, чем живущим в них птицам. Каждый свободный час мы проводили в лесу или же купались, удили рыбу, бегали по льду замерзшей реки или катались на санках по склону холма.

В княжеском парке редко кому разрешалось гулять, но мы проникали и туда, потому что были в дружбе со старейшим из замковых слуг, Феликсом Брандтом, и часто вечером отправлялись к нему в гости, чтобы послушать его рассказы о старых временах и необычайных происшествиях, выкурить трубку — он научил нас курить — и выпить чашечку кофе. Феликс Брандт много воевал и был при осаде Вены. Когда турок разбили и погнали прочь, среди захваченных трофеев оказались мешки с кофе, и пленные турки объяснили ему, на что годятся эти зерна, и научили изготавливать из них приятный

напиток. С тех пор Брандт всегда варил кофе, пил сам и удивлял им несведущих людей. Если погода была ненастная, старик оставлял нас у себя на ночь. Под раскаты грома и сверкание молний он вел свой рассказ о привидениях и всяческих ужасах, о битвах, убийствах и жестоких ранениях, а в его маленьком домике было так уютно и тепло.

Брандт черпал свои рассказы главным образом из собственного опыта. Он повстречал на своем веку немало привидений, волшебников и ведьм, а однажды, заблудившись в горах в страшную бурю, наблюдал в полночь при вспышке молний, как Дикий Охотник, яростно трубя в рог, мчался по небу, а за ним по разорванным тучам неслась его призрачная свора. Приходилось ему видеть и инкуба, и вампира, который высасывает кровь у спящих, тихо обвеивая их крылами, чтобы они не пробудились от рокового сна.

Старик учил нас, что не надо пугаться сверхъестественных явлений. Призраки, говорил он, не причиняют вреда и бродят просто потому, что они одиноки и несчастны и ищут утешения и сочувствия. Постепенно мы привыкли к этой мысли и даже спустились вместе с ним по ночам в подземелье замка, посещаемое привидениями. Призрак появился только раз, прошел мимо нас еле видимый, бесшумно пронесся по воздуху и исчез. Мы даже не дрогнули при этом — так воспитал нас старый Брандт. Он рассказывал после, что этот призрак иногда приходит к нему по ночам, будит его от сна, прикасаясь к его лицу липкой, холодной рукой, но не причиняет ему никакого вреда — просто ищет сочувствия. Самое же удивительное, что Брандт видел ангелов, настоящих ангелов с неба, и беседовал с ними. Они были без

крыльев, одеты в обычное платье, выглядели в точности как обыкновенные люди и так же ходили и разговаривали. Никто бы не принял их за ангелов, если бы они не творили чудес, которых простой смертный творить не может, и не исчезали вдруг неведомо куда, пока вы с ними беседовали, что тоже превышает силы смертного человека. Ангелы не были унылыми и сумрачными, подобно призракам, — напротив, веселыми и жизнерадостными.

Однажды майским утром, после затянувшихся допоздна рассказов Брандта, мы поднялись с постели, сытно позавтракали вместе с ним, а потом, перейдя мост влево от деревни, забрались на поросшую лесом вершину холма, наше излюбленное местечко. Там мы растянулись в тени на траве, намереваясь отдохнуть, покурить и еще раз обсудить диковинные рассказы старика, произведшие на нас сильное впечатление. Но мы не могли раскурить трубку, потому что по забывчивости не захватили с собой кремня и огнива.

Немного погодя из леса показался юноша, он подошел к нам, сел рядом и заговорил с нами дружеским тоном. Мы не отвечали: чужие люди заходили к нам редко, и мы побаивались их. Пришелец был хорош собой и нарядно одет, во всем новом. Лицо его внушало доверие, голос был приятен. Он держался непринужденно, с удивительной простотой и изяществом и был совсем не похож на застенчивых и неуклюжих молодых людей из нашей деревни. Нам хотелось завязать с ним знакомство, но мы не знали, с чего начать. Я вспомнил о трубке и подумал, что было бы любезно с нашей стороны предложить незнакомцу покурить. Но тут же я вспомнил, что у нас нет огня, и мне стало обидно, что мой план невы-

полним. А он бросил на меня оживленный и довольный взгляд и сказал:

— Нет огня? Это пустое. Я сейчас его добуду.

Я был так удивлен, что не мог ничего ответить: ведь я ни слова не произнес вслух. Он взял трубку и подул на нее. Табак затлелся, и голубой дымок спиралью поднялся кверху. Мы вскочили с места и пустились наутек: ведь то, что произошло, было сверхъестественно. Мы отбежали на несколько шагов, но он самым убедительным тоном стал просить нас вернуться, дал честное слово, что не причинит нам никакого вреда, и сказал, что ему хочется познакомиться с нами и побыть в нашем обществе. Мы остановились. Мы были вне себя от удивления и любопытства. Нам хотелось вернуться, но мы не решились. Он продолжал уговаривать нас, как и раньше, спокойно и рассудительно. Когда мы увидели, что наша трубка цела и невредима и ничего дурного не приключилось, мы немножко успокоились, а потом, когда любопытство возобладало над страхом, двинулись назад осторожно, шаг за шагом, готовые в любую минуту снова искать спасения в бегстве.

Он старался рассеять нашу тревогу и делал это умело. Когда с вами говорят так просто, так вдумчиво и ласково, опасения и робость уходят сами собой. Мы снова прониклись доверием к нему, завязалась веселая беседа, и мы были счастливы, что нашли такого друга. Когда стеснение наше совсем прошло, мы спросили, где он научился своему странному искусству, и он сказал, что нигде не учился, что от рождения наделен этой силой, да и другими необычными способностями.

— А что ты еще умеешь?

— Да многое, всего не перечислишь.

— Ты покажешь нам? Покажи, пожалуйста! — закричали мы дружно.

— А вы не убежите?

— Нет, честное слово, нет! Покажи, пожалуйста. Ну покажи!

— С удовольствием, но смотрите — не забудьте своего слова.

Мы подтвердили, что не забудем, и он подошел к луже, набрал воды в чашку, которую сделал из листка, подул на нее и, перевернув чашку, вытряхнул из нее застывший кусок льда. Мы глядели, изумленные и очарованные, нам уже не было страшно, мы были очень довольны и попросили его показать нам еще что-нибудь. Он согласился и сказал, что угостит нас фруктами и чтобы мы назвали любые, не раздумывая долго о том, настала пора для этих фруктов или нет. Мы закричали хором:

— Апельсин!

— Яблоко!

— Виноград!

— Ищите в карманах, — сказал он; и правда, каждый нашел в кармане то, чего пожелал. Фрукты были самого лучшего сорта; мы съели их, и нам захотелось еще, но никто не решался сказать это вслух.

— Поищите в карманах, — повторил он, — и все, чего вы ни пожелаете, все там будет. Просить не нужно. Пока вы со мной, ваше дело только желать.

Так и было. Никогда еще с нами не случалось ничего столь удивительного и заманчивого. Хлеб, пирожки, конфеты, орехи — чего ни пожелай, все в кармане. Сам он ничего не ел, а только болтал с нами и развлекал нас новыми чудесами. Он сле-

пил из глины маленькую игрушечную белочку, и она взбежала вверх по дереву и, усевшись на суку, стала цокать по-беличьи. Тогда он слепил собаку величиной не больше мыши, и она загнала белку на верхушку дерева и стала бегать вокруг с громким лаем, как самая заправская собака. Она погнала белку с дерева на дерево и бежала вслед за ней, пока обе не скрылись в гуще леса. Он слепил из глины птиц, пустил их на волю, и, улетаая, они запели.

Набравшись наконец храбрости, я спросил его: кто он такой?

— Ангел, — спокойно ответил он, выпуская еще одну птицу, хлопнул в ладоши, и птица улетела.

Благоговейный ужас охватил нас при этих словах, мы снова были в смятении. Но он сказал, чтобы мы не тревожились: ангелов бояться незачем, и подтвердил, что питает к нам самые добрые чувства. Он продолжал беседовать с нами все так же естественно и непринужденно, а сам мастерил в это время фигурки мужчин и женщин с палец величиной. Кукольный народец тут же принялся за работу. Они расчистили и выравнивали клочок земли на поляне в два-три квадратных ярда и стали возводить славный маленький замок. Женщины замешивали известковый раствор и носили его по строительным лесам в ведрах, держа их на голове, как это делают работницы у нас в деревне, а мужчины возводили стены. Не меньше пятисот этих куколок сновали взад и вперед, трудились что было сил, отирали пот со лба, словно настоящие люди. Это было бесконечно притягательное зрелище — глядеть, как пятьсот крошечных человечков строят замок, камень за камнем, башню за башней, как здание растет и обретает архитектурные формы.